

ОТ АВТОРА

4 октября 1993 года, когда за полдень группы спецназа «Альфа» и «Вымпел» вывели нас из горящего здания Верховного Совета, со всех сторон велась ещё такая стрельба, что передвигаться по набережной было опасно. Кто в кого стрелял, было непонятно: палили из гостиницы «Мир», с крыш и верхних этажей близстоящих зданий, в том числе из недостроенного американского посольства. Стреляли и из «Белого дома», хотя его защитники уже сложили оружие и вышли вместе с нами.

Трассеры пронизывали вечернее небо, рикошетили от земли, пугая осмелевших любопытствующих зевак. Изредка рыкали очередями из крупнокалиберных пулемётов бэтээры внутренних войск, выплёвывая гильзы на асфальт, и работали засевшие где-то снайперы, выбивая бойцов спецназа и просто граждан, выведенных на ступени центрального подъезда и набережную. Всё ещё пытались завязать гражданскую войну. Однако «Альфа» и «Вымпел», предотвратившие её, стояли насмерть и не отвечали на провокации. Они были рядом со мной, в бронежилетах, но открытые для поражения, лишь спокойно водили стволами автоматов.

Когда стрельба усилилась, с другой стороны реки, от гостиницы «Украина», подключились танковые пулемёты, хотя орудия их уже молчали. Зеваки разбежались кто куда, и на набережной, под перекрёстным огнём, остались только двое — седобородый старик в пастушьем дождевике и опрятная деревенская старушка в чёрном полушалке и тёмных очках. Оба с тросточками, ветхие на вид, но стойкие! Пули щёлкали по асфальту совсем рядом, рикошет пел в возду-

хе и рубил стриженные кустики, а они — то ли глухие, то ли слепые — стояли неподвижно и скорбно, как на похоронах, только смотрели не в землю, а на горящие верхние этажи.

Женщины, которые были рядом со мной, сначала махали им руками, кричали, а потом подтолкнули меня: дескать, сбегай, уведи их. Несколько человек в толпе перед Верховным Советом уже ранило, а одного «альфовца» убило наповал. Я подбежал к старикам, попытался столкнуть их с места, однако дед замахнулся на меня палкой.

— Сам иди! — зло сказал он. — Нас не тронут.

Не глухой оказался, но, кажется, слепой, и старушка его тоже, ибо в руках обоих были одинаковые белые трости, с которыми ходят незрячие. Они вывернулись из моих рук, отошли в сторону, но так и остались на набережной. Тогда подбежали женщины — знакомая депутатша и журналистка, стали уговаривать и оттаскивать их, однако старушенция, весьма бойкая особа, пригрозила им тростью.

— Прочь! Ступайте прочь! — закричала она с явным немецким акцентом. — Сами вы слепые! Знаете ли, что происходит?! А происходит то, что я видела ещё сорок лет назад — и флаг американский, и танки!

Последние фразы были не совсем понятны, но почему-то потрясли меня не меньше, чем оружейный обстрел «Белого дома». Женщины не услышали в её провидческих словах ничего особенного, стали допытываться у слепых: мол, вы случайно не заблудились? Знаете, куда идти, где ваш дом? По виду они явно были гостями столицы. Сердитый старик сначала отпихивался, затем бумажку показал с адресом и именем — слепые часто имеют при себе такие, на всякий случай: дескать, не потерялись мы, толь-

ко отстаньте. Почему-то этот адрес — улица, номер дома и квартиры, а также патриархальное имя Лаврентий Лукич (то ли старика, то ли хозяина) — сразу врезались в память.

— Мы из Сибири пришли, — добавила незрячая старушка. — На коне ехали, на лодке плыли, в поезде четверо суток тряслись, чтобы стать очевидцами пророчеств Прахараваты.

И эта её фраза тоже зацепила, внедрилась в сознание, возможно, потому что от неё повеяло уже даже не старческой причудью, а истой религиозностью, даже фанатизмом. Последнее, совсем незнакомое слово и вовсе было каким-то восточным, буддийским, хотя на вид старики были типичными сельскими жителями среднерусской глубинки.

Нам всё же удалось оттеснить их с открытой набережной в более безопасное место, однако они там простояли недолго. Спины стариков, которые неспешно продвигались в сторону моста, щупая дорогу тросточками, ещё несколько раз мелькнули вдали.

Сей небольшой эпизод мог бы затеряться в череде других странных событий, происходивших перед горящим зданием Верховного Совета, однако эта история имела продолжение.

Нас продержали перед центральным подъездом до самого вечера, затем провели во двор соседнего дома — спрятать от огня. Но и там стреляли. Мне с моими женщинами и группой защитников «Белого дома» удалось найти пристанище на шестом этаже, у сердобольных москвичек — матери и дочери. Наутро молодая хозяйка вывела нас к станции метро, и я начал обзванивать знакомых, чтобы затаиться на несколько дней, пока идёт шмон. ОМОН вылавливал защитников на улицах, вокзалах и в метро. Было

объявлено, что Верховный Совет обороняли иногородние боевики, а я приехал из Вологды.

После трёх звонков стало ясно, что убежища у товарищей, даже очень близких, не найти: отказывали по самым разным причинам. И тут в памяти всплыла бумажка с адресом слепого старика, поскольку странная эта пара не выходила из головы.

От Краснопресненской набережной идти было не так далеко, и через час я стоял на пороге квартиры, указанной в записке. Мне открыл пожилой человек с аккуратным седым коком — сразу видно: бывший парработник высокого полёта. Он был мрачен и чем-то сильно расстроен. По тому, как широко он распахнул дверь, было понятно, что ждал кого-то. Незнакомца он бы, конечно, не впустил, но тут за его спиной появилась слепая старушка и сразу же меня признала.

— Ну и чего ты сюда припёрся? — с немецким акцентом, но как-то очень уж по-русски, как старого знакомого, спросила она. — Пойти больше некуда?

Добираясь сюда, я думал представиться писателем, объяснить, как очутился в здании Верховного Совета, заинтересовать какими-нибудь деталями произошедшего и прежде всего извиниться за свой вид: нас две недели держали без воды и света, окружив здание стеной из колючей проволоки, за что его стали называть первым концлагерем на площади Свободы. Но в тот момент, когда распахнулась дверь, у меня сразу появилось ощущение, что ничего объяснять не надо — тут всё уже известно, и меня не выгонят.

— Спрятаться надо, — честно признался я. — Дня на два...

В это время пришёл старик, отстранённый, даже нелюдимый, однако от вчерашнего вида слепца

и следа не осталось: зыркал из-под бровей, как филлин, тоже признал.

— Что у порога-то держите? — ворчливо спросил он домашних.

Меня проводили в ванную, дали чистую одежду, накормили и уложили отдохнуть.

В этот же день я услышал историю про Соржинский кряж, узнал про экспедиции на Тибет, предпринятые организацией «Аненербе», что такое «белое пятно» и Прахаравата. Но обо всём по порядку.

1

Особист сразу же показался ему человеком умным, но лукавым, скользким, и фамилия соответствовала — Юлианов. Ерёма такими людьми восхищался, поскольку сам так не мог, отличаясь прямодушием и тугоподвижностью ума. Слушал подобных говорунов, удивлялся, как у них всё ловко и ладно получается, но вовремя вставить лыко в строку не умел и оттого вечно расстраивался. Потом, с опозданием, он обычно находил нужные слова в ответ на острую или вычурную фразу собеседника и корил себя: эх, надо было вот так-то сказать. Однако вместе с восхищением он начинал испытывать и нарастающую неприязнь, а порой даже ненависть к таким людям, если по их вине сам вынужден был изворачиваться.

Ерёма собирался уже в обратный путь, на берегу Соржи лодку смолил, когда за ним прибежал дежурный милиционер. Домой заскочить и переодеться не дал, сказал, что особист нервный, ждать не любит, срочно требует для беседы, ненадолго. И больше ничего объяснять не стал или не захотел. Хорошо ещё, что отец предупреждал: мол, появился тут эмгэбэшник, уже две недели живёт, занял кабинет начальника поселковой милиции и казаков пытается, особенно промысловых, а до чего дознаться хочет — непонятно. И так зайдёт, и эдак. Похоже, его золото интересует — так прииски ещё до войны позакрывались. Или, вроде, китайцы-золотоноши... Ни с того ни с сего начнёт допытываться, кто и где во время войны был,

как фронту помогал, есть ли заслуги перед властью, кто сколько пушнины сдал государству. Всё вокруг да около ходит, куда клонит — никак не поймёшь, больно уж хитромудрый этот капитан. Держи ухо остро, не сболтни чего лишнего.

Почти всех, с кем успел поговорить, расспрашивал особист про Ерёму, похоже, поджидал его, однако сразу к себе не пригласил, а только через сутки, когда пора было готовиться в обратный путь.

Юлианов задумал сначала настроить собеседника на задушевный лад, но скрыть своего высокомерия не сумел, поэтому полез в душу, как разбойник, с ухмылкой, словно с ножом в зубах.

— Говорят, ты романтик, книги читаешь? И у тебя в каждой избушке библиотека?

— Читаю, — настороженно отозвался Ерёма, — если интересные.

— А где берёшь? У вас даже книжного магазина нет.

— Через Посылторг выписываю.

Особист ждал другого ответа и был заметно разочарован.

— А ещё, говорят, ты любишь на падающие звёзды смотреть? — сверкнул он хитроватым взглядом.

Вот что бы тогда не отбрить его, сказав: «Говорят, в Москве кур доят, а петухи яйца несут», — и дальше вести разговор в том же духе, парируя язвительные нападки. Но Ерёма сразу набычился, спрятал взгляд и почуял жар на лице.

На самом-то деле он любил глядеть в звёздное небо, считал его удивительным и прекрасным, но об этом знать никто не знал, кроме самых близких, тем паче заезжий особист.

— Что на них смотреть? — пробурчал Ерёма. — Падают, да и хрен с ними, значит лишние на небе.

От такого сурового ответа капитан аж челюстями лязгнул и так вздыбил плечи, что звёзды с погон чуть не посыпались. Однако более никак своего недовольствия не выказал.

Не теряя надежды, он попытался затронуть другую романтическую струну.

— Расскажи-ка мне, друг любезный, что у тебя в Германии приключилось, когда в армии служил?

— Ничего не приключилось, — пробурчал Ерёма, презирая себя за тугодумие. — Отслужил срочную, пришёл, работаю...

— Тебя в сорок пятом призвали?

— Ну, да. В пятьдесят втором демобилизовали.

— Семь лет срочной? Разве столько служат?

— У меня не спрашивали сроков.

— Тебе же хотели офицерское звание присвоить?

— Хотели...

— А вместо этого из авиатехников перевели в аэродромную охрану. За что? — последовал ехидный вопрос.

— У командиров узнай, — грубо и туповато ответил Ерёма, набычась. — По-моему, так ни за что.

— Узнал, — особист достал бумагу. — Может, сам скажешь — для очистки совести? Хотя это дело прошлое, однако наводит на вполне определённые размышления.

У Ерёмы зачесалось под бородой — верный знак крайнего возмущения. Пока он смолил лодку, борода так выпачкалась в смоле, что слиплась, как мочало...

— Я свою совесть ничем не замарал!

— Тебя перевели в охрану за порочную связь с немкой! — рубанул капитан. — Понизили в должности и звании, из комсомола исключили. И благодари командиров, что не посадили! Уволили задним числом...

— Задницу они свою прикрывали! Потому и уволили так, — огрызнулся Ерёма, словно дикий зверь, показывающий клыки.

Особист резко сменил тон, заговорив вкрадчиво, но так, будто каменный шар накатывал:

— Нам стало известно, что у тебя на участке обитают злые духи, — вдруг заявил он. — Сталкивался с ними? Встречал?

Вот ведь можно было зацепиться за это, чтобы вволю поиздеваться над капитаном, поскольку Ерёма ни в каких духов не верил. Но вместо этого он, как школьник на уроке, стал угрюмо оправдываться:

— Никого я не встречал. Ни злых, ни добрых.

— Как же? И даже не чувствовал? Ничего не замечал?

— Я в духов не верю, — упрямо пробурчал Ерёма. — Это якуты в них верят, шаманы. А я, хоть и бывший, но комсомолец...

— Они же всячески притесняют, не дают работать, — не внял ему особист. — Обворовывают промысловые угодья. Со мной можно говорить открыто, начистоту. Я уже с твоим отцом побеседовал, с братом Иваном. Они оба говорят, что злые духи есть и охраняют Соржинский кряж, не всякого туда пускают.

И снова можно было уесть въедливого капитана, и впрямь свалив всё на злых духов, коих наслали якутские шаманы: пусть бы гадал, дурят его сказками или на самом деле местные люди так суеверны. Но Ерёма, у которого напрочь отказало чувство юмора, упрямо произнёс:

— Начистоту и отвечаю: ничего сверхъестественного не наблюдал.

— Не понимаю, отчего ты упорствуешь, — будто бы проявил участие капитан. — Отец твой каждый

день с ними сталкивался, пока промышлял. Поэтому и охотиться перестал. Может, запугали они тебя?

— Как меня запугать-то?

— Мало ли как... Избушку сжечь, например, как у брата твоего, Ивана. Настороженные ловушки, капканы разряжать, дичь пугать. Или хуже того — пригрозить свести с ума.

— Ничего такого не было.

— И шаманы не появлялись?

Ерёма наконец-то справился со своим тугодумием:

— С виду ты, вроде, человек нормальный, — сказал он, окидывая взглядом особиста, — а умом, как якут, про духов рассуждаешь. Или для потехи только? Так мне некогда с тобой тут дурака валять. Надо лодку смолить.

Особист понял, что так он ничего не добьётся, и, расстелив карту на столе, пошёл на новый круг.

— Покажи-ка мне свой участок, Осягин.

Ерёма посмотрел на карту, нашёл посёлок, реку Соржу, точнее нижнюю, северо-восточную её часть. На всём остальном пространстве, словно кучевое облако, лежало белое пятно.

— Не покажу, его тут нету.

— Совсем нет?

— Соржинский кряж как раз посередине «белого пятна».

— Этим летом топографическая экспедиция прибудет, — пообещал капитан. — Съёмку будут делать, пробелы на карте заполнять. Но ты же слышал: это место называют «белым пятном» по другой причине. Будто люди заходят туда и пропадают.

Подобные байки про Соржинский кряж Ерёма с детства слышал, но только в детстве им и верил.

— Болтовня всё, — отмахнулся он. — Я ведь хожу там, живу — и не пропал. И отец там промышлял, и дед.

— В том-то и штука. Одни туда входят и выходят свободно, а другие исчезают бесследно.

— А нечего с дурными помыслами ходить, — парировал Ерёма и понял, что сделал это зря.

— То есть ты всё-таки веришь в сверхъестественные силы природы?

— Ну, мало ли как бывает... — стал оправдываться он. — Раз на раз не приходится. Загадки, конечно, есть...

— Ты от кого услышал, что Соржинский кряж называют «белым пятном»? Это же термин чисто географический.

— Первый раз от геологов, — признался Ерёма. — В отрочестве я с ними ходил в поход. То есть в экспедицию. Они и объяснили: пока не проведена топографическая съёмка, территория считается «слепой» — то есть тёмной, неизведанной.

— Поэтому там могут пропадать люди?

— Да кто особенно-то пропадал? Находили потом...

— Но китайцы пропадали?

— Говорят, пропадали...

— А однажды исчезла целая приисковая артель, человек десять. Слыхал?

— Слыхал, — усмехнулся Ерёма. — Только они не исчезли — заблудились. И вышли потом на Индигирку.

— Километров за триста от Соржинского кряжа! И по дороге двух своих товарищей съели.

Он и про это слышал, поэтому повторил ворчливо:

— А нечего там делать с недобрыми помыслами. Ещё мой дед так говорил.

Особист положил перед ним лист бумаги.

— Укажи, как река протекает и где горы стоят. Ты же хорошо эту местность знаешь?

— Ну, знаю...

— Нарисуй, — протянул капитан карандаш. — Границы участка и примерное расположение твоих избышек.

Ерёма наугад провёл извилистую черту с севера на юг и наставил кружочков.

— Это Соржа и горы. Тут избышки... — добавил пять крестиков.

Особист посмотрел рисунок, покачал головой.

— Да, сотрудничать с органами ты не хочешь, Осягин. А напрасно... Твой отец совсем другое расположение нарисовал.

— Как умел, так нарисовал.

Капитан всё ещё проявлял терпение и вопросы задавал неожиданные.

— Почему ты до сих пор не женился? Говорят, что ты чуть ли не первый жених в посёлке. Десятилетку окончил, авиатехником служил, мастеровой парень. А в лесу живёшь один.

— Свою суженую жду, — ухмыльнулся Ерёма. — В нашем казачьем роду так положено.

— А может, завёл себе на промысле бабёнку? — подмигнул капитан. — Какую-нибудь якутскую шаманку?

— На Соржинском кряже якутов сроду не бывало...

И договорить не успел, как особист уже другой вопрос заготовил:

— Ты сейчас зачем из тайги вышел? С какой целью?

— Пушнину сдать, продуктов прикупить и завезти.

— А что так поздно? Все давно уже сдали пушнину.

— Я же к Сорже привязан, — уже без вызова проговорил Ерёма. — Река вскрылась — и поехал...

— Сколько же ты до Потоскуя плывёшь?

— Двое суток.

— А обратно?

— Четверо — по большой воде. По малой — неделю.

Юлианов поворачивал вопросы и так и сяк:

— Ну и как? План по добыче выполнил?

— Вдвое перевыполнил.

— Это я слышал, портрет на Доске почёта висит — передовой промысловик.

— Угодья хорошие...

— Говорят, удачливый ты охотник, на ловца и зверь бежит.

Ерёма не захотел продолжать этот разговор — стеснялся, поэтому свёл его на нет:

— Как придётся...

— Скажи-ка, Еремей Лукич, а заготовитель пушины вас обжуливает?

— Не без этого, — сдержанно ответил тот, пытаюсь понять, куда клонит собеседник. — Но по-божески...

— Ты уже продукты закупил — и завтра назад, в тайгу?

— Пока вода не спала.

Капитан достал ещё одну бумажку.

— Мука, крупа, соль — это я понимаю. Керосин, макароны... А вот кому ты купил ящик галет, сгущённое молоко и сорок плиток шоколада?

Ерёма насторожился, но виду не показал.

— Как кому? Себе.

— Сорок плиток шоколада? Весь в магазине забрал!

— Было бы в ОРСе больше, взял бы ещё.

— Но раньше ты никогда не брал таких сладостей.

Особист, верно, решил, что припёр его к стенке, поймал с поличным — даже лезвие ухмылки уже зубами зажал.

— Раньше я у отца мёд брал, — признался Ерёма. — Нынче нету.

— Почему нет?

— Прошлым летом взятки были плохой.

— И ты решил побаловать себя сгущёнкой, шоколадом?

— А что? Я в армии к шоколаду привык. Сухим пайком выдавали.

Капитан опять вздыбил плечи и от возмущения чуть ли не на крик сорвался:

— Ты мне кончай прикидываться! К шоколаду он привык! Что же раньше-то на него не тратился?

— Говорю же: мёд брал.

— А нынче аж на три тысячи шоколаду купил?!

— На что мне ещё тратить? Семьи пока что нету, а я аж двадцать семь тыщ чистыми получил...

— И решил злых духов задобрить? Так сказать, воздать жертву?

Ерёма только руками развёл:

— Что-то я не пойму никак. Ты про духов серьёзно толкуешь? Или придуриваешься?

И так захотелось ему треснуть по масленой роже капитана!

Особист тоже кулаки стиснул, но сдержался: чувствовалось — вскипает, однако, опрокинув в себя стакан воды, будто пожар внутри затушил. Голос его сразу стал вкрадчивым, с тёплыми, как парное молоко, нотками:

— Ладно, а зачем лампы искал? Ты же спрашивал у киномеханика электронные лампы?

Запираться тут не было смысла.

— Спрашивал, хочу старый приёмник отремонтировать.

— Радио слушать? А лампы искал для радиопередатчика, судя по маркировке. Ну, и что ты скажешь?

Ерёма пожал плечами.